

Шэнь Гуань резко проснулся, обливаясь холодным потом. Он тяжело дышал, а на лице застыло выражение ужаса.

Оглядевшись, он увидел лишь непроглядную тьму — ни единого лучика света вокруг.

Неужели перерождение было лишь сном, и он по-прежнему заперт в том подвале, куда не проникает дневной свет?

Он испуганно втянул голову в плечи, и слезы, словно бусины, сорвавшиеся с нити, покатались по щекам. Собравшись с духом и решив во что бы то ни стало выяснить, что происходит, он стиснул зубы и, ощупью пробираясь сквозь темноту, двинулся к двери.

Щёлк.

Загорелся свет.

Яркие лучи потолочной лампы залили комнату, ударив по глазам Шэнь Гуаня.

Он посмотрел на дверь и увидел живого, настоящего Цинь Ханьюаня, стоящего прямо перед ним. В его больших глазах словно отразились две звезды: они блестели, подернутые влагой, и это зрелище всколыхнуло сердце Цинь Ханьюаня.

— Цинь Ханьюань!

Словно брошенный хозяином щенок, он жалобно бросился вперед, обнял Цинь Ханьюаня и уткнулся лицом в его грудь. Лишь услышав биение его сердца, он наконец смог унять тревогу, сдавившую грудь.

Цинь Ханьюань заметил, что Шэнь Гуань, похоже, очень любит так обниматься. Он улыбнулся и взъерошил его волосы:

— Кошмар приснился?

Шэнь Гуань кивнул и обнял его еще крепче, слезы пропитали его рубашку.

— Прости, мне следовало остаться с тобой.

Он знал, что малыш спит беспокойно, но всё равно ушел на совещание. Однако это была важная международная встреча, и как бы ему ни хотелось остаться рядом, он не мог подвести партнеров, а брать работу в спальню побоялся — вдруг помешает отдыхать.

Ну и задачка...

Видя сейчас, как тот отчаянно нуждается в нем, как горько плачет, Цинь Ханьюань почувствовал невыносимую жалость. Кроме извинений, он не знал, как еще можно его утешить.

— Тебе не нужно извиняться, — Шэнь Гуань поднял голову. Его голос, еще не отошедший ото сна, звучал по-детски, но очень серьезно. — Это не твоя вина, это я сам начал видеть сны.

Цинь Ханьюаня умилила эта фраза, он рассмеялся и снова жадно погладил его по волосам.

— Время позднее, пойдем поедим.

— Угу. — Шэнь Гуань неохотно отпустил его и послушно поплелся следом.

— После еды я отвезу тебя в университетское общежитие, — сказал Цинь Ханьюань. Он знал, что вещи Шэнь Гуань собрал еще вчера, и не собирался настаивать на том, чтобы тот оставался в доме в период охлаждения их отношений.

— Не хочу! — услышав, что его собираются выпроводить, Шэнь Гуань тут же надулся. Он ухватился за край пиджака Цинь Ханьюаня, нахмурился и мягко, по-детски заныл: — Я хочу жить дома.

Цинь Ханьюаню показалось, что от кончиков пальцев Шэнь Гуаня исходит электрический разряд, который пронзил всё его тело и устремился в самый низ живота, заставляя сердце биться чаще, а кровь — закипать.

Он был на пределе!

Ему хотелось плюнуть на всё и прямо здесь взять его!

— Ну пожалуйста, можно?

Кто-то продолжал играть с огнем!

— Я не буду мешать тебе работать, — Шэнь Гуань потерев край пиджака, заглядывая ему в глаза с мольбой.

— Хорошо.

С трудом выдавив из себя ответ, Цинь Ханьюань пулей вылетел из комнаты.

Шэнь Гуань не понял, что произошло, и озадаченно захлопал глазами, выглядя невинным и беспомощным.

Что с ним такое?

Он что, торопится?

В туалет, что ли?

Поев вне дома, они вернулись обратно. Шэнь Гуань увидел в гостиной два чемодана, большой и маленький, и у него на лбу выступила вена.

Кто это такой бессовестный, что притащил его вещи вниз!

Дворецкий вышел им навстречу, слегка поклонился Цинь Ханьюаню и сухо произнес:

— Вещи молодого господина Шэня собраны.

Шэнь Гуань осторожно покосился на Цинь Ханьюаня и тайком толкнул его локтем, посылая сигнал о помощи.

Дворецкий, дядя Цзян, был доверенным лицом дедушки Цинь и отцом Цзян Линя. Можно сказать, он видел, как рос Цинь Ханьюань, поэтому тот относился к нему с большим почтением.

Дедушка Цинь не жаловал Шэнь Гуаня, поэтому после свадьбы приставил дядю Цзяна следить за хозяйством, а заодно — и за самим Шэнь Гуанем. Раньше Шэнь Гуан не обращал на равнодушные дворцовые никакие внимания, как и на его постоянные доносы дедушке.

Но теперь всё иначе. Он хотел жить с Цинь Ханьюанем душа в душу, а значит, должен был считаться с мнением окружающих его людей.

Нельзя быть таким упрямым, это лишь доставит ему лишних хлопот.

Цинь Ханьюань с нежностью взъерошил волосы Шэнь Гуаня:

— Он никуда не уедет.

Приятно было его гладить.

Малыш не возражает.

Значит, можно еще немного погладить.

Когда Цинь Ханьюань убрал руку, Шэнь Гуань, очень заботясь о своем имидже, принялся поправлять прическу, надув губы, будто всё еще был очень недоволен.

Цинь Ханьюань, не зная, смеяться или плакать, направился наверх.

— Цинь Ханьюань, — Шэнь Гуань последовал за ним. — Можно мне спать с тобой?

Цинь Ханьюань остановился, прищурился и посмотрел на него с опасным блеском в глазах.

Шэнь Гуань, увидев этот взгляд, будто его хотят проглотить целиком, обиженно поджал губы и пробормотал:

— Мне же будут сниться кошмары.

<http://bllate.org/book/18789/1824909>